

Вильгельм Гауф

ЛУЧШИЕ СКАЗКИ

Александрийский шейх и его невольники

Александрийский шейх Али Бану был странным человеком. Когда он утром шел по городским улицам, обвитый чалмой из прекраснейшего кашемира, в праздничном платье и богатом поясе, стоившем пятьдесят верблюдов, когда он шел медленным, величественным шагом, мрачно наморщив лоб, нахмутив брови, опустив глаза и через каждые пять шагов задумчиво поглаживая свою длинную, черную бороду; когда он шел так в мечеть, чтобы читать верующим поучения о Коране, как этого требовал его сан, люди на улице останавливались, смотрели ему вслед и говорили друг другу: «Вот прекрасный, представительный человек». — «И богатый, богатый человек, — прибавлял, конечно, другой. — Ведь у него дворец в гавани Стамбула! Ведь у него поместья, поля, много тысяч голов скота и много рабов!» — «Да, — говорил третий, — и татарин, который недавно прислан к нему из Стамбула, от самого султана — да благословит его Пророк! — говорил мне, что наш шейх пользуется большим

уважением у рейс-эфенди¹, у капиджи-паши², у всех, даже у самого султана». — «Да, — восклицал четвертый, — его шаги благословенны! Он богатый, знатный человек, но... но... вы знаете, что я подразумеваю!» — «Да, да! — бормотали при этом другие. — Это правда, и у него есть свое горе, мы не хотели бы быть на его месте. Он богатый, знатный человек, но... но...»

У Али Бану был великолепный дом на самом красивом месте в Александрии. Перед домом была широкая терраса, обнесенная мраморной оградой и осененная пальмовыми деревьями. Там он по вечерам часто сидел и курил свой кальян. В это время двенадцать богато одетых рабов в почтительном отдалении ожидали его знака. Один нес его бетель, другой держал его зонтик от солнца, у третьего были сосуды из чистого золота, наполненные дорогим шербетом, четвертый держал опахало из павлиньих перьев, чтобы отгонять мух от господина, другие были певцами и держали лютни и духовые инструменты, чтобы усладить его музыкой, когда он требовал этого, а самый ученый из всех держал несколько свертков, чтобы

¹ Рейс-эфенди — министр иностранных дел.

² Капиджи-паша — начальник охраны сераля султана.

читать ему.

Но они напрасно ожидали его знака. Он не требовал ни музыки, ни пения, не хотел слушать изречения или стихотворения мудрых поэтов древних времен, не хотел ни пить шербет, ни жевать бетель. Даже раб с веером из павлиньих перьев напрасно трудился, потому что господин не замечал, если муха жужжа вилась около него.

Прохожие часто останавливались, удивлялись великолепию дома, богато одетым рабам и удобствам, которыми все было обставлено. Но взглянув затем на шейха, когда он так угрюмо и мрачно сидел под пальмами, устремив взор только на синеватые облачка своего кальяна, они качали головой и говорили:

«Право, этот богач — бедный человек. Он, у которого много, беднее того, у которого нет ничего, потому что Пророк не дал ему умения наслаждаться этим». Так говорили люди, смеялись над ним и шли дальше. Однажды вечером, когда шейх, окруженный всем земным блеском, опять сидел под пальмами перед дверью своего дома и печально и одиноко курил свой кальян, недалеко оттуда стояли несколько молодых людей. Они смотрели на него и смеялись.

— Право, — сказал один, — шейх Али Бану — глупец. Если бы я имел его сокровища, я употребил бы их иначе. Всякий день я проводил бы

роскошно и весело. Мои друзья обедали бы у меня в больших комнатах дома, и ликование и смех наполняли бы эти печальные залы.

— Да, — подхватил другой, — это было бы не так плохо, но много друзей расточат состояние, будь оно даже так велико, как у султана, да благословит его Пророк! А если бы я так сидел вечером под пальмами на этом прекрасном месте, то рабы у меня там пели бы и играли, пришли бы мои танцоры, танцевали бы, прыгали и представляли бы разные чудесные вещи. При этом я очень важно курил бы кальян, приказал бы подать мне дорогой шербет и наслаждался бы всем этим, как повелитель Багдада.

— Шейх, — сказал третий из этих молодых людей, который был писателем, — шейх, говорят, ученый и мудрый человек; и действительно, его поучения о Коране свидетельствуют о начитанности во всех поэтах и писателях мудрости. Но так ли, как это подобает разумному человеку, устроена и его жизнь? Там стоит раб с полной рукой свертков. Я отдал бы свое праздничное платье за то, чтобы прочесть только один из них, потому что это, наверно, редкие вещи. А он! Он сидит, курит и не обращает внимания на книги. Если бы я был шейхом Али Бану, слуга читал бы мне, пока не задохнулся бы или пока не наступила бы ночь. И даже тогда он еще читал бы мне, пока я

не заснул бы.

— А! Хорошо вы знаете, как устроить себе прекрасную жизнь, — засмеялся четвертый. — Есть и пить, петь и танцевать, читать изречения и слушать стихи жалких поэтов! Нет, я поступил бы совсем иначе! У шейха великолепнейшие лошади и верблюды и пропасть денег. На его месте я поехал бы, поехал бы на край света, и даже к москвитянам, даже к франкам. Ни одна дорога не была бы для меня слишком длинной, чтобы видеть великолепие света. Так я поступил бы, если бы был вот тем человеком!

— Молодость — прекрасное время и возраст, когда бываешь весел, — сказал старик невзрачного вида, стоявший около них и слышавший их речи. — Но позвольте мне сказать, что молодость также глупа и иногда болтает вздор, не зная, что делает.

— Что вы хотите сказать этим, старик? — удивленно спросили молодые люди. — Вы подразумеваете при этом нас? Какое вам дело, что мы порицаем образ жизни шейха?

— Если кто знает что-либо лучше другого, то пусть он по возможности исправит его ошибку — так хочет Пророк! — возразил старик. — Правда, шейх благословлен сокровищами и имеет все, чего желает сердце, но у него есть причина быть угрюмым и печальным. Вы думаете, он всегда был таким? Нет, я видел его еще пятнадцать лет тому

назад, когда он был бодрым и живым, как газель, жил весело и наслаждался своей жизнью. Тогда у него был сын, радость его дней, прекрасный и образованный, и кто видел его и слышал его разговор, должен был завидовать шейху в этом сокровище, потому что ему было только десять лет, и однако он был уже так учен, как другой едва в восемнадцать.

— И он у него умер? Бедный шейх! — воскликнул молодой писатель.

— Для шейха было бы утешением знать, что его сын отошел в жилища Пророка, где ему жилось бы лучше, чем здесь в Александрии. Но то, что ему пришлось испытать, гораздо хуже. То было время, когда франки, как голодные волки, пришли в нашу страну и стали воевать с нами³. Они одолели Александрию, отсюда пошли все дальше и дальше и начали войну с мамелюками. Шейх был умным человеком и умел хорошо ладить с ними. Но потому ли что они зарились на его сокровища, или потому что он помогал своим единоверным братьям — я не знаю этого точно — словом, однажды они пришли в его дом и стали обвинять его, что он тайно помогает мамелюкам оружием, лошадьми и съестными припасами. Он мог как угодно

³ Речь идет о походе Наполеона I в Египет (1799 г.).

доказывать свою невинность — ничто не помогло, потому что франки грубый, жестокосердный народ, когда дело идет о вымогательстве денег. Поэтому они взяли заложником в свой лагерь его молодого сына, которого звали Кайрам. Шейх предлагал им за него много денег, но они хотели заставить его предложить еще больше и не отпускали сына. Вдруг от их паши, или кто он был, им пришел приказ садиться на корабли. Никто в Александрии не знал об этом ни слова, и вдруг они очутились в открытом море, а маленького Кайрама, сына Али Бану, они, вероятно, утащили с собой, потому что о нем никогда уже больше ничего не слыхали.

— О, бедный человек! Как жестоко поразил его Аллах! — единодушно воскликнули молодые люди и с состраданием посмотрели на шейха, который печально и одиноко сидел под пальмами, окруженный великолепием.

— Его жена, которую он очень любил, умерла у него от горя по сыну. А сам он купил себе корабль, снарядил его и склонил франкского врача, который живет там внизу, у колодца, ехать с ним во Франкистан разыскивать пропавшего сына. Они сели на корабль, долгое время были в море и наконец приехали в страну тех гяуров ⁴, тех

⁴ Гяур — иноверец.

неверных, которые были в Александрии. Но там, говорят, как раз в это время происходили ужасные события. Они убили своего султана, паши, богатые и бедные отрубали друг другу головы, и в стране не было никакого порядка. Напрасно они в каждом городе искали маленького Кайрама — о нем никто не знал, и франкский доктор посоветовал наконец шейху уехать, потому что иначе, пожалуй, сами они могли лишиться своих голов.

Таким образом, они опять вернулись, и со времени своего приезда шейх стал жить так, как теперь, потому что грустит о своем сыне, и он прав. Не должен ли он думать, когда ест и пьет: «Может быть, теперь мой бедный Кайрам принужден голодать и жаждать?» И когда он одевается в богатые шали и праздничные одежды, как это подобает его сану и достоинству, не должен ли он думать: «Теперь он, пожалуй, не имеет чем прикрыть свою наготу?» И когда он окружен певцами, танцорами и чтецами, своими рабами, разве он не думает тогда: «Может быть, теперь мой бедный сын должен прыгать и играть перед своим франкским повелителем, когда он захочет этого?» А что причиняет ему величайшее горе — это мысль, что маленький Кайрам, находясь так далеко от страны своих отцов и среди неверных, которые

насмеваются над ним, изменит вере своих отцов, и ему нельзя будет обнять своего сына в райских садах! Поэтому он и ласков так со своими рабами и дает большие суммы на бедных. Ведь он думает, что Аллах вознаградит за это и тронет сердца франкских господ его сына, чтобы они обращались с ним ласково. И всякий раз, как наступает день, когда у него был отнят сын, он освобождает двенадцать рабов.

— Об этом я тоже уже слышал, — сказал писатель. — Но носятся странные слухи. О его сыне ничего не упоминалось, но, кажется, говорят, что шейх странный человек и совершенно особенно падок до рассказов. Говорят, что он каждый год устраивает между своими рабами состязание, и того, кто расскажет лучше всех, освобождает.

— Не очень полагайтесь на людские толки, — сказал старик. — Это происходит так, как я говорю, а я знаю это верно. Возможно, что в этот тяжелый день он хочет развеселиться и велит рассказывать ему истории, но рабов он освобождает ради своего сына. Однако вечер становится прохладным, и я должен идти дальше. Селям-aleyкум, да будет с вами мир, молодые люди, и в будущем лучше думайте о добром шейхе.

Молодые люди поблагодарили старика за его сообщения, еще раз посмотрели на печального отца и пошли вниз по улице, говоря друг другу: «Не

хотел бы я быть шейхом Али Бану».

Вскоре после того как эти молодые люди говорили со стариком о шейхе Али Бану случилось так, что они во время утренней молитвы шли опять по этой улице. Они вспомнили старика и его рассказ, все пожалели шейха и взглянули на его дом. Но как они изумились, увидав, что там все великолепнейшим образом украшено! С крыши, где гуляли наряженные рабыни, развевались флаги и знамена, зала дома была устлана прекрасными коврами, к ним примыкала шелковая материя, которая была постлана на широких ступенях лестницы, и даже на улице было постлано прекрасное тонкое сукно, которое иной пожелал бы себе на праздничную одежду или на покрывало для ног.

— Э, как же сильно переменялся шейх в немного дней! — сказал молодой писатель. — Он хочет дать пир? Хочет дать работу своим певцам и танцорам? Посмотрите на эти ковры! Есть ли у кого-нибудь в целой Александрии такие прекрасные! И это сукно на простом полу; право, жаль его!

— Знаешь, что я думаю? — сказал другой. — Он, наверно, принимает высокого гостя, ведь такие приготовления делают тогда, когда дом удостаивает своим посещением властитель великих стран или эфенди султана. Кто же сегодня может приехать